

М. Добронравов

**Душевная жизнь Н.В. Гоголя
в связи с его творчеством**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Добронравов**
Душевная жизнь Н.В. Гоголя в связи с его творчеством / М. Добронравов – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 38 с.

ISBN 978-5-518-01399-5

ISBN 978-5-518-01399-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Даже бѣглое чтеніе писемъ Гоголя показываетъ, что въ личности его никогда не было никакого „перелома“, соединеннаго съ оставленіемъ имъ одного направленія и принятіемъ другого; напротивъ это была цѣльная внутренняя жизнь, неотъемлемою чертою которой было *постояльство*. Въ письмѣ Гоголя къ С. Т. Аксакову мы читаемъ: „Внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ двѣнадцати-лѣтняго, быть можетъ, возраста я иду тою-же дорогой, какъ и нынѣ, не шатаюсь, не колеблюсь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходя изъ одного положенія въ другое“. Въ другомъ письмѣ, тоже къ Аксакову, Гоголь высказываетъ слѣдующее по поводу обвиненій его въ томъ, что онъ склонился къ мистицизму: „Вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду“. (1847 г. 20 янв.). Самъ Аксаковъ, человѣкъ очень близкій къ Гоголю, былъ вполне согласенъ съ этимъ утвержденіемъ своего друга. Вотъ что мы слышимъ изъ устъ его: „Изъ одной замѣтки Гоголя: „много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни“, можно подумать, что въ самой жизни его было что-то чудесное, что дало толчекъ къ новому строю жизни. Но это ничуть не значило, что онъ измѣнился въ своемъ нравственномъ существѣ. Это не значило, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде. Внутренняя основа все лежала въ немъ та же, что и въ самыхъ молодыхъ годахъ, но она скрывалась (тогда), такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка“. Гоголь былъ „скрытенъ“, потому что былъ не глупъ, вотъ и все“. „Изъ литературныхъ друзей его никто его не зналъ. По его литературнымъ разговорамъ всякій былъ увѣренъ, что его занимаетъ только литература и что все прочее равно не существуетъ для него на свѣтѣ“... Но это было глубокая неприщда. „У Гоголя былъ другой, болѣе важный интересъ, который всю жизнь занималъ его; у Гоголя былъ другой путь, которымъ онъ неуклонно шелъ отъ ранней юности до послѣднихъ дней жизни“.

По словамъ самого Гоголя, его важнѣйшій интересъ въ жизни были „душа“, „дѣло душевное“, а неуклонный путь—

„внутреннее воспитаніе“, или религіозно-правственное усовершенствованіе своей души для блага ближнихъ. „Создалъ меня Богъ, говоритъ Гоголь, и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе. Дѣло мое душа и прочное дѣло жизни. Дѣло мое то, о которомъ долженъ подумать всякій человѣкъ—не одинъ я“.

Начало этого пути мы видимъ въ родительскомъ домѣ Гоголя; несомнѣнно, что еще тамъ запали во впечатлительную душу его сѣмена религіозной настроенности, а также интересъ къ воспитанію души. Отецъ и мать Гоголя были искренно и просто вѣрующими людьми. Самый бракъ ихъ состоялся при чудесномъ участіи Божіей Матери. „Выдали меня за моего добраго мужа, нишетъ мать Гоголя Кулипу, когда мнѣ было 14 лѣтъ. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Тогда онъ (14-ти лѣтнимъ мальчикомъ) увидалъ меня. не имѣющую году, и узналъ... и слѣдилъ за мной во всеъ возрастн дѣтства (Шенр. 1, 44)“. Этотъ краткій и простодушный разсказъ служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ религіознаго настроенія матери нашего поэта, на рукахъ и около которой прошло дѣтство его. Воскресные и праздничные дни свято проводились въ домѣ родителей Гоголя, такъ что считалось грѣхомъ въ эти дни взять какойнибудь горничной иголку въ руки. Благочестивые родители Гоголя въ праздники обыкновенно отправлялись въ церковь, а послѣ богослуженія приглашали къ себѣ въ гости бывшихъ въ церкви своихъ знакомыхъ и угощали ихъ всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ. Извѣстно, что мать Гоголя, послѣ двухъ первыхъ неудачныхъ родовъ, дала обѣтъ: если у нея родятся сыны—назвать его Николаемъ въ честь святителя Николая, чудотворный образъ котораго былъ въ приходской церкви въ Диканькѣ, а передъ самымъ рожденіемъ обѣщала даже построить храмъ у себя въ Васильевкѣ, что съ необыкновеннымъ усердіемъ и выполнила въ два года (Шенр. 1, 52).

Волиѣ естественно, что, при такомъ благочестіи, родители Гоголя, и особенно мать, съ первыхъ проявленій сознанія сына, старались утверждать въ его душѣ религіозное чувство.

Въ одномъ письмѣ къ матери (1833 г. 2 окт.) Гоголь такъ вспоминаетъ о своемъ воспитаніи въ дѣтствѣ: „Вы употребили все усиліе воспитать меня, какъ можно лучше... Одинъ разъ,—я живо, какъ теперь, помню этотъ случай.—я просилъ васъ разсказать о страшномъ судѣ,—и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, какія ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительнo, такъ страшно описали вѣчныя мученія грѣшниковъ, что это потрясло во мнѣ всю чувствительность; это произошло и произвело вѣнслѣдствіи самыя высокія мысли“.

Религіозность, унаслѣдованная Гоголемъ отъ родителей, была постояннымъ спутникомъ его жизни, цементомъ, крѣпко связывавшимъ все ея содержаніе: съ каждымъ годомъ она дѣлалась все больше и больше и въ концѣ концовъ овладѣла всѣмъ его существомъ.

Какъ въ ранней юности у Гоголя появилось религіозное настроеніе, такъ точно въ юности его мы видимъ у него начатки любви къ ближнимъ и къ родиѣ. Еще въ самомъ началѣ своей школьной жизни Гоголь писалъ матери изъ Нѣжинна о своемъ стремленіи „сдѣлаться лучшимъ на благо ближнихъ“. Потомъ въ бесѣдахъ съ нею дома, не задолго до переезда въ Петербургъ, онъ говорилъ ей, что не будетъ жить для себя, а для страждущихъ ближнихъ: и если удостоитъ его Богъ быть полезнымъ отечеству, то почтетъ себя счастливымъ человѣкомъ. Позднѣе Гоголь пишетъ С. Т. Аксакову: „Я пережилъ годы юношества и многихъ желаній, миновалъ увлеченія славолюбивыя, удалился давно отъ свѣта для того, чтобы воспитаться въ глубинѣ души своей *для другихъ*“.

Любовь къ ближнимъ и родиѣ такъ же, какъ и любовь къ Богу, Гоголь хранилъ и лелѣялъ въ душѣ своей во всѣ стадіи своей жизни до самой смерти.

Съ этими двумя чертами несомнѣнно въ тѣсной связи стоитъ и творческая дѣятельность Гоголя, къ изображенію каторгой, въ главныхъ чертахъ, мы и перейдемъ теперь.

II.

Гоголь говоритъ о себѣ, что онъ росъ хилымъ, болѣзненнымъ и золотушнымъ ребенкомъ. Въ письмахъ къ отцу изъ

Полтавы и Нѣжина онъ жалуется на болѣзнь груди, первое разстройство и невозможность легко дышать. Кромя того, онъ страдалъ течью изъ уха. По переселеніи въ Петербургъ, онъ захворалъ геммороемъ, а въ слѣдующемъ году жалуется на болѣзнь печени и сиппы, на головную боль, на боль въ груди и тяжесть въ желудкѣ. Достигнуши двадцати лѣтъ съ небольшимъ (въ 1832 г.) возраста, когда у юношей бываетъ въ полномъ расцвѣтѣ здоровье и силы, Гоголь пишетъ: „Скудельный составъ мой часто одолевается недугомъ, крайне дряхлѣть“.—Вообще, начиная съ молодыхъ лѣтъ до смерти, Гоголь перенесъ много болѣзней и страданій, вслѣдствіе чего всю жизнь отличался грустнымъ настроеніемъ. Пушкинъ называетъ Гоголя „великимъ меланхоликомъ“. Да и самъ Гоголь соглашался съ такимъ опредѣленіемъ его характера. „На меня, пишетъ онъ, иногда находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которыя происходили, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состыанія“.—Что же Гоголь дѣлалъ въ такихъ случаяхъ? Какъ онъ прогонялъ отъ себя тоску? „Чтобы развлечь себя, пишетъ Гоголь, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣлкомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому выйдетъ отъ этого какая польза. Молодость, во время которой не приходягъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному придти въ голову такія глупости?“

Пушкинъ, по признанію самого Гоголя, заставилъ его отнестись къ писательству серьезно. „Одинъ разъ, пишетъ Гоголь, послѣ того какъ я прочелъ Пушкину одно небольшое изображеніе небольшой сцены, которое, однакожь, поразило его больше всего прежде мной читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлягъ его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто,

грѣхъ“. И Пушкинъ указалъ Гоголю сюжеты для сочиненій, которыя могли-бы увѣковѣчать память о немъ. Это были сюжеты Ревизора и Мертвыхъ душъ. На этотъ разъ Гоголь задумался серьезно. „Я увидѣлъ, пишетъ онъ, что прежде въ сочиненіяхъ моихъ я смѣялся даромъ, самъ не зная зачѣмъ. Я чувствовалъ, ... что потребность развлекать себя невпными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми годами. Если смѣяться, такъ ужъ—лучше смѣяться надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія“. И Гоголь въ „Ревизорѣ“ собираетъ въ кучу, составляетъ на показъ все дурное въ Россіи, что только онъ зналъ. „Послѣ этого Гоголь почувствовалъ болѣе, чѣмъ прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было-бы не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться“. При попыткахъ писать въ прежнемъ родѣ. Гоголь не возгорался любовію къ своему труду. безъ которой не подвигается впередъ работа и которая животворитъ все, а напротивъ испытывалъ отвращеніе къ нему, безцѣльность его. „Мнѣ, пишетъ Гоголь, на каждомъ шагу являлись вопросы: зачѣмъ? къ чему? что долженъ сказать такой-то характеръ? Спрашивается, что нужно было дѣлать мнѣ, когда приходили такіе вопросы?—прогонять ихъ?— Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли предо мною“.

Задумываясь надъ этими вопросами, Гоголь незамѣтно перешелъ къ рѣшенію вопроса о своемъ назначеніи, какъ и назначеніи всякаго человѣка. „Послѣ долгихъ трудовъ и опытовъ и размышленій, говоритъ Гоголь, идя видимо впередъ. я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначеніе человѣка *служить*, и что вся жизнь наша есть служба. Ненужно, продолжаетъ Гоголь, забывать того, что взято (нами) мѣсто въ земномъ государствѣ затѣмъ, чтобы служить въ немъ Государю небесному“. Опредѣляя точнѣе, въ чемъ должна состоять служба человѣка Царю Небесному, Гоголь говоритъ, что каждый человѣкъ долженъ выполнить *возложенное* на него *Богомъ порученіе*. „Мы всѣ здѣсь (на землѣ) мпмоздомъ, и всѣ недолго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь... не по своему правому случаю и не для какого-либо пустяка. Мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученіе, возложенное на насъ Пославшимъ. Помните

вѣчно, что всякая вступѣ потраченная минута здѣсь, неумо-
лимо спросится тамъ“. Свое порученіе, возложенное на него
Пославшимъ, Гоголь видѣть въ службѣ Россіи на поприщѣ
писателя. „Способность писателя есть способность великая...
Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не
спасусь, если не употреблю ее въ дѣло какъ слѣдуетъ“. Въ
письмѣ къ духовнику своему, ржевскому протоіерее о. М.
Константиновскому, который совѣтовалъ Гоголю бросить автор-
ство, послѣдній замѣчаетъ: „Если бы я зналъ, что на какомъ
либо другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше во спасеніе
души и во исполненіе всего того, что должно мнѣ исполнить.
чѣмъ на этомъ, то я бы перешелъ на то поприще“. Какъ
только Гоголь ясно созналъ, что только на поприщѣ писателя
онъ можетъ и обязанъ сослужить свою службу государству.
онъ „бросилъ все должности, Петербургъ, общество близкихъ
людей, чтобы въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣ-
лать, какое твореніе создать, что-бы видно было, что онъ былъ
также гражданинъ своей земли и хотѣлъ послужить ей“. Изъ
письма къ Аксакову 28 декабря 1840 года видно, что душу
Гоголя посѣтило въ это время какое-то дивное озареніе, ко-
торое привело его въ восторгъ. „Теперь я пишу вамъ, читаешь
мы здѣсь, потому что я здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога.
Много чудеснаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни...
Многое, что казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо,
теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и
незначительность. я я удивляюсь, какъ я могъ когда-либо
принимать (это) близко къ сердцу. Да, другъ мой, я глубоко
счастливъ. Я слышу и знаю дивныя минуты. *Созданіе чудное
творится* и совершается въ душѣ моей, и благодарными сле-
замъ не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ
святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ че-
ловѣка; никогда и не выдумать ему такого сюжета... Меня,
заканчиваетъ Гоголь это письмо, теперь нужно лелѣять, не
для меня, нѣтъ. Я подобенъ глиняной вазѣ. Эта ваза вся въ
трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ ней заклю-
чено сокровище. Стало быть ее нужно беречь. Трудъ мой великъ,
подвигъ мой спасителемъ. Я умеръ теперь для всего
мелочнаго“.

Немудрено догадаться, что подъ созданиемъ, творившимся въ душѣ Гоголя, слѣдуетъ разумѣть „Мертвыя души“, сюжетъ для которыхъ данъ былъ Пушкинымъ, но не разработанъ Гоголемъ, какъ слѣдуетъ. Теперь же содержаніе и планъ ихъ, благодаря вдохновенію, очевидно, живо представились воображенію поэта въ своихъ существенныхъ чертахъ.

Изъ выше приведеннаго письма къ Аксакову видно, что Гоголь высоко смотрѣлъ на предпринимаемую имъ работу—создать „Мертвыя души“. Эта работа внушена Самимъ Богомъ: „подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка“. Гоголь видитъ въ ней—цѣль своей жизни. „О, если бы еще 3 года (прожить мнѣ) съ такими свѣжими силами. Столько жизни прошу, сколько необходимо мнѣ для окончанія труда моего. Больше мнѣ ничего не нужно“. Онъ паходится въ искренней увѣренности, что если предположенная имъ работа осуществится, то будетъ осчастливлена вся Россія. Въ „Авторской исповѣди“ Гоголь разъясняетъ намъ, какимъ образомъ сочиненіе его могло произвести это. „Мнѣ хотѣлось, говоритъ Гоголь въ сочиненіи моемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя не всеѣми цѣнятся.. и тѣ... низкія, которыя еще недостаточно всеѣми осмѣяны и поражены. Мнѣ хотѣлось, чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ какъ бы невольпо весь русскій человѣкъ со всеѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно предъ другими народами, и со всеѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которыя находятся въ немъ также преимущественно предъ всеѣми другими народами. Я думалъ... изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовію русскій человѣкъ... и такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже напелъ ихъ въ себѣ самомъ“.

Такимъ образомъ создать такое литературное произведеніе, которое-бы возбудило въ русскихъ людяхъ отвращеніе отъ неприглядной дѣйствительности и заставило сдѣлаться другими лучшими людьми—вотъ въ чемъ видѣлъ Гоголь въ концѣ концовъ свое призваніе или „порученіе“, возложенное на его Промысломъ.

Но, поставивъ себѣ такую высокую задачу, Гоголь точасъ же понималъ, что для вынолненія ея пужно было ясно понимать достоинства и недостатки челоѳческой души. „Я видѣлъ ясно, пишетъ Гоголь, что покажеть не опредѣлю самому себѣ высокое и низкое природы нашей, достоинства и недостатки наши, миѣ нельзя приступать къ дѣлу“. Если писатель „не узнаеть очень хорошо самъ, что дѣйствительно въ нашей природѣ есть достѣнство и что въ ней дѣйствительно есть недостатки, то онъ можетъ возвести въ достѣнство то, что есть грѣхъ нашъ, и поразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими то, что въ насъ достѣнство“. И вотъ, поэтому-то Гоголь „погружается во всестороннее изученіе души челоѳка. Онъ хочетъ озарить разумъ свой полнымъ знаніемъ дѣла и съ жадностью ищетъ и преситъ себѣ необходимыхъ свѣдѣній“. „Книги законодателей, пишетъ онъ, душеѳдвовъ и наблюдателей за природой челоѳка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души челоѳка, отъ исповѣди свѣтскаго челоѳка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и по этой дорогѣ нечувствительно, почти самъ невѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ челоѳка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“. Если въ этотъ періодъ времени, подъ вліаніемъ просьбъ и упрековъ друзей, Гоголь брался за перо, чтобы написать хотя небольшую повѣсть, то всѣ попытки его и усилія оканчивались болѣзью, страданіями и, наконецъ, такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было откладывать всякія занятія. Успокоившись, Гоголь опять становился на прежнюю дорогу—обращался къ изученію жизни души челоѳческой. „И я, говоритъ Гоголь, не совращался съ этого пути. Жизнь души я преслѣдовалъ (т. е. изучалъ) въ дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за челоѳкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются людьми, и я пришелъ къ Тому, Кто одинъ вѣдаетъ душу, отъ Кого одного я могъ узнать полнѣе душу“.

Какъ только въ Гоголѣ удовлетворилась жажда знать чело­вѣческую душу, въ немъ родилось сильное желаніе узнать Россію и русскаго чело­вѣка. Безъ знанія этихъ предметовъ Гоголю, очевидно, нельзя было присту­пить къ своему сочи­нію. И вотъ онъ, съ одной стороны, сталъ знакомиться съ людьми разнаго рода, отъ которыхъ онъ могъ узнать что-ни­будь нужное въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, зная, что наше народное міросозерцаніе тѣсно связано съ ученіемъ православной церкви, (слова „русскій“ и „православный“ въ народномъ языкѣ употребляются какъ однозначащія), Гоголь вѣлся за чтеніе и изученіе твореній отцевъ и учителей церкви, преимущественно тѣхъ, на которыхъ издревле воспи­тывалась душа русскаго чело­вѣка. Особенно охотно читалъ онъ духовныя поученія наставниковъ иноческихъ, каковы, напр., творенія св. Ефрема Сиріна, Макарія Египтскаго (о молитвѣ) и др. Извѣстная въ монашескомъ быту книга Добро­толюбіе сдѣлалось любимымъ чтеніемъ Гоголя: въ ней онъ находилъ глубокое пониманіе чело­вѣческой души. Любилъ Го­голь читать и Подраженіе Христу Фомы Кемпійскаго ¹⁾. Нѣ­сколько разъ перечитывалъ онъ и произведенія Іоанна Злато­уста. Григорія Богослова а также нашихъ русскихъ церков­ныхъ писателей: св. Димитрія Ростовскаго, св. Тихона Задон­скаго, архіепископа Иннокентія.

Но одного знанія чело­вѣка вообще и русскаго въ частности, по убѣжденію Гоголя, еще недостаточно было ему для того, чтобы приступить къ созданію своего великаго произведенія, имѣвшаго цѣлію произвести благотѣльный переворотъ въ русскомъ обществѣ и такимъ образомъ дать возможность автору выполнить назначеніе. Анализъ Гоголя надъ своею собственною душею привелъ его къ убѣжденію, что „говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ чело­вѣка нельзя по воображенію и одному наблюденію надъ другими людьми: для этого нужно имѣть въ самомъ себѣ хоть небольшую кру-

¹⁾ Въ письмѣ къ Шевиреву Гоголь совѣтуетъ друзьямъ своимъ купить эту книгу каждому себѣ въ видѣ погоднога подарка и каждый день прочитывать по главѣ или по полуглавѣ въ качествѣ средства для успокоенія душевныхъ тревогъ, предаваясь затѣмъ размышленіямъ о прочитаномъ.

лицу этихъ чувствъ и движеній. Безъ устремленія моея души къ ея лучшему совершенству не въ силахъ я... двинуться ни одной моею способностью, ни одной стороной ума моего во благо и пользу моимъ братьямъ, и безъ этого воспитанія душевнаго всякій трудъ мой будетъ только временно блестящъ". (Р. Ст. 478). Если писатель желаетъ исправить людей, т. е., указать имъ надлежащій путь жизни и заставить идти поэтому пути, то онъ долженъ самъ озаботиться дѣломъ своего личнаго нравственнаго усовершенствованія. „Когда свѣтильникъ духа его не будетъ горѣть чистымъ и яснымъ пламенемъ, тогда ему даже опасно выходить на свое поприще: его вліяніе можетъ быть скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Примѣръ тому, говоритъ Гоголь, на папахъ глазахъ. Пзвѣстная французская писательница Ж. Зандъ, больше всѣхъ надѣленная талантомъ, въ немного лѣтъ произвела измѣненіе нравовъ (въ худую сторону) болѣе сильное, чѣмъ всѣ въ совокупности писатели, работавшіеся о развращеніи людей. Она, можетъ быть, и въ помысленіи не имѣла проновѣдывать развратъ и, вступивши въ другую эпоху своего душевнаго состоянія, отказалась-бы отъ своихъ временныхъ заблужденій, но этимъ зла не поправила-бъ". „Изъ людей умныхъ, говоритъ потомъ Гоголь, должны выступать на поприще только тѣ, которые окончили свое воспитаніе и создались". „Пока не станешь самъ хоть сколько нибудь походить на добродѣтельнаго человѣка, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что напишетъ перо твое, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды". Поэтому Гоголь считалъ необходимымъ для себя, какъ писателя, заняться дѣломъ своего нравственнаго самоусовершенствованія. „Миѣ нужно быть слишкомъ чисто душой, пишетъ онъ Аксакову: долгое воспитаніе предстонтъ миѣ, трудная лѣстница". „Много труда и пуги и воспитанія душевнаго впереди еще миѣ". „Разсудокъ мой говоритъ миѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіе долгаго времени, покуда не созрѣю самъ внутренно и душевно". пишетъ Гоголь и о. Матвѣю. „Чище горняго снѣга и свѣтлѣе небесъ должна сдѣлаться душа моя", замѣчаетъ онъ и въ письмѣ къ Жуковскому.